

С.С. Крюкова

Обычное право русской деревни: опыт идентификации и границы понятия¹

Один из ведущих современных правоведов, А.И. Ковлер в книге «Антропология права», пытаясь определить предмет своего исследования, недаром цитирует французского коллегу, известного юриста, адвоката, профессора права Ж. Веделя, признавшего в полной растерянности, как ответить на вопрос, казалось бы, азбучный для специалистов в области права: «Что такое право?»² Аналогичную реакцию у меня вызывает и попытка дать какую-либо универсальную и исчерпывающую характеристику родственному явлению - обычному праву. Самое простое и короткое объяснение его как права, основанного на обычае, звучит, скорее, как провокация и требует дополнительных разъяснений, т.к. составляющие этого термина (обычай и право) уже сами по себе представляют сложнейшие понятийные структуры.

В ходе научного осмысления правового опыта человечества оформлялись различные школы, направления и дисциплины, изучавшие обычное право собственными методами и в разных целях. (Сегодня целый ряд наук занимается изучением обычного права: антропология, культурология, философия, социология, этика, психология, педагогика, история, этнография. В рамках перечисленных дисциплин существовали и существуют более узкие, специализированные исследовательские тренды, занимающиеся обычно-правовой проблематикой: археология права, нормативная этнография, юридическая антропология, anthropology of law, anthropology juridique, Rechtsethnologie, Rechtsetnographie и др.) Это привело к скла-

дыванию весьма пестрой картины как в толковании термина в целом, так и в описании его частных сторон. Выделим основные направления, задающие свой спектр его освещения: философский (это когда в ряде учений о формировании права осмысливались глубинные причины обычного права, его сущность, функции и роль в ходе общественного развития); юридическо-институциональный (рассмотрение правоведом вопросов о месте обычного права в системе законодательства, практике судопроизводства, соотношении с писаным правом); историко-социологический и этнологический (исследование механизмов действия обычного права на примере различных институтов конкретных исторических общностей).

Многочисленность идентификаций обычного права является следствием также того, что выбирали и выбирают разные его критерии: формальный (неписаное право в противовес писаному — закону); гносеологический (обычное право — предправо, древнейшая ступень в его эволюционном развитии, оно возникает в результате правотворческой деятельности народа; официальное — продукт законодательной инициативы государства); функциональный (обычное право — живой, реально действующий механизм права, официальное — искусственно созданный миф права) и др.

Единого унифицированного определения обычного права до сих пор нет и в современных словарях, которые должны были бы давать более-менее исчерпывающее объяснение этого феномена. Даже для маркировки исследуемого явления ис-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-09-00196А

² Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. С.2.

пользовали разные термины: обычное право, традиционное право, неформальное / неписаное право, правовой обычай, народный юридический обычай, common law, customary law, Gewohnheitsrecht, Sitte, Volksrecht и т.д. В российской науке (особенно применительно к крестьянскому сословию) наиболее устойчивым стало понятие «обычное право». В широком смысле его можно охарактеризовать как деятельность сообщества, основанную на убеждении в обязательности применения определенных повторяющихся норм и правил поведения его членов. Попробуем проследить основные «версии» термина в науке, законодательстве и самом источнике этого явления на примере правовой повседневности русской деревни второй половины XIX в.

Термин «обычное право» — изначально конструкция правоведов для научного объяснения процесса общественного правового развития. Именно в научных трудах это понятие, служившее весьма схематичным и условным отображением правовой жизни общества, использовали и используют весьма активно. С начала XIX в. оно вошло в активный научный оборот с легкой руки германской исторической школы права, т.е. благодаря правоведам (Густав Гуго, Фридрих Карл Савиньи и Георг Фридрих Пухта)³. Разумеется, в основе доктрины исторической школы права лежали прежние разработки и достижения греческих и римских мыслителей. Однако именно с этого времени, особенно после появления книги Пухты (которая так и называлась — «Обычное право»), он получил новую жизнь. Его последующая популяризация, в т. ч. в российском правоведении, была связана с развитием законодательной системы, систематизацией правовых знаний и кодификациями правовых норм, переосмыслением начал права и его источников.

Ядро учения исторической школы права утверждало самобытность истоков права. Главный его тезис — право создается самим народом и не исчерпывается только законом. Так же, как и язык, оно развивается в ходе отбора приемлемых норм в силу объективно сопутствующих обстоятельств. Право не может быть установлено волей отдельных лиц, оно формируется народом произвольно в ходе его исторического развития и одновременно с языком, а затем оформляется законодателем. Непосредственным выразителем народного правосознания и источником права яв-

ляется обычай. Обычай сам по себе не производит права, но служит средством выражения народного убеждения. Следовательно, то, что называется «обычным правом», представляет собой народное убеждение. Для распознавания обычного права обычай должен обладать такими качествами, как юридическая необходимость, вытекающая из народного духа и неоднократное повторение в длительной перспективе.

В России идеи исторической школы права получили благоприятную почву для развития. В немалой степени этому способствовало их созвучие основным установкам общественной идеологии — «православие, самодержавие, народность». Теоретическим положениям исторической школы права была близка философия славянофилов. К этому времени и в российском законодательстве уже был накоплен определенный опыт применения обычая в качестве источника права. А во второй половине XIX в., в контексте «Великих реформ», интерес к этой проблеме материализовался в многочисленные и масштабные исследования. Они были суммированы в известных библиографиях Е.И. Якушкина⁴. Однако уже тогда, несмотря на огромные усилия в этом направлении, наука фактически зашла в тупик в попытках исчерпывающей трактовки этого феномена: «Мы, как перед сфинксом, стоим перед обычным правом, которое для одних является каким-то сказочным кладом, ключ от которого заброшен на дно моря-океана, а для других является чем-то неуловимым, что, по слову поэта, “поймать ты не льстись и ловить берись”»⁵.

Попытки юристов во второй половине XIX в. осуществить кодификацию народных правовых обычаев также была обречена. Изучение ряда крестьянских обществ показало, что характерная для писаного права фиксация и регулярное соблюдение конкретной нормы в повседневном крестьянском правовом регулировании отсутствовали. Способность обычая к маневрированию, а при необходимости к преодолению строгой догматики как закона, так и сложившихся в крестьянском обществе установок обеспечивали ему устойчивость. Хотя ему и не была свойственна педантичность соблюдения буквы закона, обычай поддерживал определенные принципы и регулировал правовое поведение. При всем разнообразии местных вариантов решения тех или иных спорных вопросов исследователи крестьянской общи-

³ См.: Крюкова С.С. Обычное право в научном наследии ранней исторической школы в Германии // Этнографическое обозрение. 2000. №3.

⁴ Якушкин Е.И. Обычное право. Ярославль, 1875. Вып. 1; Ярославль, 1896. Вып. 2; М., 1908. вып. 3; М., 1909. Вып. 4.

⁵ Гессен А.В. Реформа местного суда. СПб., 1910. С. 78.

ны прослеживали некоторые общие закономерности, которые создавали иллюзию возможности реконструкции некоего объективного «кодекса» обычного права.

В течение всей второй половины XIX в. и в дальнейшем пытались выявить обычно-правовые нормы, а также конкретные специфические черты и свойства обычая у русских крестьян. При этом, характеризуя его отличительные признаки высказывали порой диаметрально противоположные точки зрения. Одни исследователи склонялись в пользу его эффективности в регулировании правоотношений в русской деревне, другие, напротив, рассматривали его как признак правовой отсталости крестьянского сословия. В качестве иллюстрации такой поляризации мнений достаточно привести наиболее типичные позиции: 1) «массовое правосознание (не только крестьянства, но и городских низов) было крайне неразвито, примитивно, весьма слабо отражало либо не отражало вообще основные уголовно-правовые категории, принципы правосудия, существующие в цивилизованном обществе»; крестьянский суд олицетворял собой «разлад между жизнью и законом, демонстрируя дику сторону народной культуры с остатками суеверия, предрассудков и грубостью нравов»⁶; 2) «Крестьянская наблюдательность, практический ум, хорошее знание запросов сельского хозяйства и быта обеспечивали, как правило, справедливость при решении дел о потрахвах, пропаже сена и т.д.»; «правовая культура пореформенного крестьянства характеризуется наличием комплекса юридических традиций, обрядов, обычно-правовых норм, позволявших оперативно, на месте, в соответствии с особенностями крестьянствования в данном регионе, регулировать хозяйственную деятельность, минуя должностных лиц местной администрации и полиции»⁷.

Если суммировать результаты этих исследований, можно выделить следующие основополагающие координаты дореволюционной правовой практики русских крестьян:

- сословность;
- замкнутость, корпоративность, локальность;
- сохранность общины и дуализм общинного

института, связанный с его посреднической функцией между государством и крестьянином;

- плюрализм, вариативность, ситуативность правовой практики;
- хозяйственный интерес, как важнейший механизм формирования и функционирования норм;
- религиозная окрашенность морально-правовых представлений и правовой практики;
- неотделимость правовых представлений от морально-этических, составлявших основу крестьянской юстиции и правовой практики (принцип «глядя по человеку», апелляция к справедливости, приоритет миролюбивого досудебного решения споров);
- обрядовое оформление и символизм правовых действий;
- коллективность принятия правовых решений; доминирование коллективного над семейно-индивидуальным и общесемейного над индивидуальным; мужского над женским;
- большая роль общественного мнения и старшего поколения в санкционировании норм;
- принцип уравнительности;
- взгляд на собственность как на результат своего труда⁸.

Ретроспективный взгляд на законодательные источники также не дает возможности судить о некой единой интерпретации границ данного понятия: в смысле нормы с не определенным законодателем содержанием мы находим разные понятия: «правда», «норов», «преданье», «пошлина», «старина». Им приписывали значение некоего повторяющегося правила поведения и образа действия в спорных ситуациях. Аналогичное значение придавали первоначально также терминам «покон» и «закон», хотя позже законом стали называть лишь нормы писаного права. С XVI в. в русском законодательстве начинает утверждаться термин «обычай». В Стоглаве — сборнике постановлений церковно-земского собора 1551 г. — он упоминался неоднократно. Содержание Стоглава охватывало широкий круг вопросов, связанных с организацией судопроизводства, с институтом брака и семьи, с частной жизнью населения. Сюда вошли многочисленные нормы, регулировавшие

⁶ Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 154; Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX в.: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000. С. 208.

⁷ Долженко И.В. Сельский суд русских крестьян Ереванской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР. 1989. № 3. С. 168; Тарабанова Т.Н. Правосознание пореформенного крестьянства: обычно-правовое регулирование хозяйственной деятельности // Аграрные технологии в России IX—XX вв. Арзамас, 1999. С. 231.

⁸ См.: Крюкова С.С. Правовая культура русских крестьян в России XIX в.: проблемы и интерпретации // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 98—122.

гражданские отношения с точки зрения церковно-христианской морали, направленные, главным образом, на искоренение языческих представлений паствы. Этот памятник церковного права являл собой яркий пример отбора законодательством обычаев «добрых» и уничтожения «злых», представляя замечательный образец наступления «истинного православного закона» на негодный старый обычай (язычество). В тексте документа термин употреблялся в значении обычая «добротого», «злого», «нового», «старого», «поганского», «чужого». Здесь же было дано определение соотношения между обычаем и законом: «В коейждо стране закон и отчина, а не приходят друг к другу, но своего обычая кийждо закон держит»⁹.

Более позднее по времени применение понятия «обычай» употребляли и в значении нрава. Так, например, в Соборном определении об избрании царем Бориса Федоровича Годунова 1598 г. дана характеристика личных качеств: «сей Михаил благоверен и благочестив зело, обычай имея тих и кроток и во всем благоприятен»¹⁰.

В другом законодательном источнике — Уложении 1649 г., первом систематизированном своде, вошедшем в первое собрание российских законов — среди множества ссылок на обычай встречаем иные его трактовки. В частности, «пьяный обычай» не освобождал от ответственности доносчика, отказавшегося от своего заявления на основании того, что был пьян, — он подлежал торговой казни. В другой статье Уложения попадает еще одно оригинальное прочтение термина: «А будет кто у кого возмет денег в займы, или чего-нибудь для торговли, и тот долг истеряет своим безумием, пропьет, проворует каким нибудь обычаем...»¹¹.

На протяжении всей истории формирования законодательства термин «обычай» звучал часто и многозначно: это и характеристика нравов, и религиозная принадлежность, и устоявшаяся в практике неписаная правовая норма, и прежнее законодательное установление. Только к концу XIX в. он получает наконец-то определение в законодательстве как слагаемое «путем частого и однообразного применения известное юридическое правило» (Реш. 1880 г. № 174), как «такие правила, которые

постоянно соблюдаются при заключении и исполнении известных договоров и вследствие сего признаются обязательными» (Реш. 1880 г. № 63). Не в последнюю очередь на такую формулировку оказала влияние все та же историческая школа права. Вместе с тем законодательство четко оговаривало допустимость применения обычая — лишь если в самом законе существует «дозволение руководствоваться обычаем в данном деле»¹².

В период проведения в России реформ во второй половине XIX в. сфера действия обычая в законодательстве расширяется. В Общем положении о крестьянах, регулировавшем пореформенное устройство крестьянских обществ, «местные обычаи» были признаны в качестве законной инстанции в области имущественно-наследственных дел (ст. 38), опекунов (ст. 21), организации структуры суда и судебного процесса (ст. 93, 107), избирательного права (ст. 47, 56, 77), порядка отбывания экономических повинностей (ст. 173)¹³. Формально провозглашая принцип обязательности закона, законодательство фактически оставляло широкое поле для крестьянской правотворческой деятельности.

Как в законодательных источниках, так и в документах, отражающих правовую жизнь крестьян¹⁴, мы не находим выражения «обычное право». Оно стало достоянием исключительно научных штудий. В лексическом запасе жителей пореформенной деревни, как и в законодательстве и научной литературе, имелся ряд других слов и выражений, близких по смыслу, но не равнозначных обычному праву: «старина», «обычай», «закон». В приговорах крестьянских волостных судов довольно часто встречается указание на «местные обычаи». Однако трудно сказать, всегда ли это был осознанный выбор бытовавшей нормы или же ссылка на обычай указывала на автоматическое включение в судебный приговор законодательного пункта из «Общего положения о крестьянах», рекомендовавшего опираться в судопроизводстве на местные обычаи. Когда члены правительственной комиссии, наблюдавшие работу волостных судов в пореформенной деревне, спрашивали крестьян, на основании каких обычаев они судят, последние

⁹ Российское законодательство. М., 1985. Т. 2. С. 318.

¹⁰ Там же. М., 1985. Т. 3. С. 39.

¹¹ Там же. С. 88, 136.

¹² Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб., 1912. С. 17—18.

¹³ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 19 февраля 1861 г. // Реформы Александра II. М. 1998. С. 38—142.

¹⁴ В качестве источников использованы архивные фонды Русского географического общества (АРГО); известные материалы этнографических исследований деревни во второй половине XIX в. Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева; архивные документы местного волостного судопроизводства, а также публикации современников второй половины XIX в., обращавшихся к теме правовой повседневности русской деревни.

нередко отвечали, что никаких таких обычаев они не знают. По сведениям, поступавшим в 1903 г. из волостных правлений, «обычаи волостным судом применялись в очень редких случаях» и преимущественно в делах о наследовании семейного имущества и усадьбы¹⁵. Вместе с тем в отдельных судебных делах прослеживаются отсылки именно к конкретным обычаям (их наличию или отсутствию). Так, например, в 1895 г. в Тамбовское губернское присутствие поступила жалоба от одного из крестьян губернии на волостной суд и земского начальника, которые при вынесении приговора о распределении семейного имущества якобы «упустили из виду обычай, существующий повсюду в крестьянском звании, по которому зять, поступивший во двор, делается полным хозяином и наследником всего семейного имущества»¹⁶. В другом случае в той же губернии при решении вопроса о праве на спорную усадьбу указывали, что «согласно обычаю двух усадеб крестьянин иметь не может»¹⁷.

«По обычаю» в практике крестьянской юстиции означало не использовать какую-то общепринятую длительно существующую норму в качестве непоколебимой догмы, а судить по справедливости, в зависимости от ряда субъективных обстоятельств дела и «глядя по человеку». Сходное значение придавалось и слову «закон». Н. Астырев, работавший волостным писарем и наблюдавший крестьянское судопроизводство, отмечал: «Слово “закон” употребляют и кстати и некстати, ... выражение “сделать по закону” стало синонимом “сделать ловко, хорошо, надежно”»¹⁸. Нередко совершить что-либо «по обычаю» было равнозначно «сделать по закону». Оба понятия были наполнены в крестьянском сознании многими пересекающимися смыслами, объединенными общим представлением о миропорядке.

«Закон» («Святой закон») в представлениях крестьян не был связан исключительно с законодательными предписаниями. Под законом крестьяне одновременно понимали и обычай — сложившиеся по воле Бога и устоявшиеся нормы поведения — уклад жизни — соблюдаемый всеми и передававшийся из поколения в поколение. Весьма обширный круг общепринятых правил подпа-

дал под эту категорию обязательных к исполнению норм. Например, порядок наследования семейного имущества (когда обычно отец семейства в устном духовном завещании распределял доли между сыновьями) воспринимался крестьянами как «святой закон: чем отец пред смертью благословил, тем каждому и владеть»¹⁹. Жениться тоже означало «принять закон». Например, в с. Мелехово Касимовского у. Рязанской губ. сына по достижении 18-летнего возраста ставили в известность, что «пора принять “закон”», т.е. жениться. Таким образом, вступление в брак обретало характер предписания, значение нормы, требующей обязательного выполнения и присущей закону²⁰.

Вместе с тем, осознавая суть закона как писаного юридического правила, крестьяне понимали его силу и роль в судебных делах, хотя не всегда были осведомлены о фактической содержательной стороне конкретного установления. Подобное слепое преклонение перед «книжным» правом было прекрасно описано Д.Н. Маминым-Сибиряком в следующем эпизоде, связанном с «картофельным бунтом» государственных крестьян в Запольском у. в 40-е годы XIX в. Крестьяне, недовольные министерским указом об обязательном посеве картофеля и воспринявшие его как инструмент обращения в крепостную зависимость, поймали писаря и на веревке повели его топить как главного виновника, т.к. он скрыл «настоящий царский указ». «В этот критический момент...писарь пустился на отчаянную штуку. — Ведите меня в волость, я все покажу! — смело заявил он. Когда тысячная толпа привела писаря в волость, он юркнул за свой стол, обложился книгами и еще смелее заявил: - Ну-ка, возьмите меня теперь *через закон*. Вот он, закон-то, весь тут»²¹. Растерявшиеся крестьяне были вынуждены ретироваться.

Вышеупомнутый волостной писарь Н. Астырев писал: «Действительные законы совершенно неизвестны народу; он знает только один закон: это то, что говорит или приказывает начальство, какое бы оно ни было — урядник ли, писарь, мировой ли судья или судебный следователь... Закон стал атрибутом власти; власть по-прежнему внушает один страх...- поэтому и закон стал внушать безотчетный страх... “Сделать по закону” значит,

¹⁵ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 26. Оп. 3. Д. 545. Л. 3.

¹⁶ ГАТО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 851. Л. 2.

¹⁷ ГАТО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 545. Л. 5.

¹⁸ Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. С. 215.

¹⁹ Зарудный М.И. Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 114.

²⁰ Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Этнографический архив Общества исследователей Рязанского края (НА РИМЗ. ЭА ОИРК). Кн. 1. № 3.

²¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. Т. 9. М., 1958. С. 13.

с точки зрения мужика, сделать так, чтобы начальство, с которым придется иметь дело, осталось довольным, не придралось бы. «Напиши мне расписку; да гляди - по закону напиши!», - говорит мужик писарю»²². Писаная форма законодательного императива приобретала в глазах малограмотного крестьянина неоспоримый авторитет, хотя суть юридического документа зачастую оставалась недоступной их пониманию: «До какой степени... жители имеют темное понятие о значении письменных знаков, свидетельствует то, что даже в городах должники вручают своим заимодавцам, вместо залога рублей за 50 и более, план на дом, выданный из губернской чертежной; план этот стоит всего 1 р. 50 коп.; очевидно, простодушные должники отождествляют судьбу плана и дома, подобно тому, как дикири верят в связь между портретом и подлинником»²³.

Негативный опыт официальной юстиции отразился в ряде пословиц и поговорок, красноречиво свидетельствующих об отношении крестьян к писаному закону: «Где закон, там и обида», «Не будь закона, не стало б и греха», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «Закон — дышло: куда захочет, туда и воротишь»²⁴. Оппозиция в отношении к официальному праву, стремление утвердиться в собственной правоте и добиться правды «по Божьи» вынуждали крестьян руководствоваться иными правилами, якобы более понятными и доступными, и при этом ссылаться на собственную малограмотность, незнание закона и надежность испытанного временем обычая: «Дураку закон не писан», «Нужда закона не знает, а через шагает», «Повальный обычай, что царский указ», «Обычай старше (сильнее) закона»²⁵.

Помимо узаконенных реформой 1864 г. общедоступных и единых для всех сословий судебных инстанций в русской деревне имелись и другие способы урегулирования споров и тяжб. Исследователи правовой жизни пореформенной деревни относили к ним самосуд; семейный суд; суд соседей; суд сельских судей/стариков; суд сельского схода; суд волостного схода²⁶. Кроме того, широко бытовала более предпочтительная в глазах крестьян практика досудебного (внесудебного) примирения сторон. Простейшей формой обычного

решения спора был жребий, к которому прибегали при распределении долей в земельных и других имущественных делах. С этой целью использовали медные пятаки с зарубками, бумажки с надписями, ветки, деревянные палочки с насечками и даже цветы²⁷. Жребий («жеребей — Божий суд», «жеребий — святое дело»), служивший, согласно представлениям крестьян, проводником Божественной воли, легитимировал справедливость приговора и способствовал миролюбивому разрешению многочисленных конфликтных ситуаций в повседневной жизни русской деревни. В некоторых уездах (например, в Крестецком у. Новгородской губ.) существовали ограничения, связанные с материалом изготовления «жеребья»: его делали только из березовых или ивовых прутьев, но ни в коем случае не из осиновых: осина считалась «заклятым деревом», т.к. на нем повесился Иуда²⁸.

Правоотношения в русской деревне регулировались совокупностью правил и представлений, имевших разный источник происхождения (закон; обычай; прежний закон, получивший статус обычая; прецедент; произвол; воля жребия/воля Божья) и разную природу. Трудность заключения обычно-правовых традиций крестьянской юстиции в какие-либо жесткие рамки обусловлена их локальностью и изменчивостью, зависимостью от многообразия жизненных ситуаций, возникавших в деревенской повседневности в условиях компактного проживания и ежедневных коммуникаций. Они зависели от локальных культурных особенностей («местных обычаев»), а также ситуативного и индивидуального (полового, возрастного, семейно- или общинно-статусного) факторов. Опыт правоотношений и правосудия в русской деревне давал полное основание для бытования таких известных поговорок как «что ни деревня, то обычай» или «у Сидора обычай, а у Карпа свой», отражавших пеструю вариативность правовой традиции русских крестьян в целом²⁹.

Стержнем правовой культуры деревни, определявшим координаты и границы их правового поведения, была крестьянственность, что предопределило ее специфику в различных сферах права (как гражданского, так и уголовного). Образ жизни крестьянина складывался в условиях ведения экс-

²² Астырев Н. В волостных писарях. С. 216.

²³ Потанин Г.Н. Никольский уезд и его жители // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. 3. С. 141.

²⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1993. В 3-х томах. Т. 1. С. 473—474.

²⁵ Даль В.И. Указ. раб. Т. 1. С. 473—474, Т. 3. С. 68.

²⁶ Якушкин Е.И. Обычное право. М., 1910. Вып. I. С. XV.

²⁷ Потанин Г.Н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. СПб., 1899. Вып. 1. С. 49.

²⁸ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1. СПб., 1880. С. 270.

²⁹ Даль В.И. Указ. раб. Т. 3. С. 76.

тенсивного сельского хозяйства силами семейной и общинной кооперации при архаичной агротехнике и зависимости всего уклада от природной стихии. Поэтому многочисленные правовые коллизии, возникавшие в повседневности русской деревни, в основной своей массе были прямо или косвенно связаны с землей и трудовой деятельностью. Аграрные традиции способствовали оформлению как различных запретов на ведение земельных и хозяйственных работ, так и системы санкций за их несоблюдение, не предусмотренных в законодательстве.

В разных регионах, имевших свои природно-климатические особенности и соответствовавшие им хозяйственные циклы, существовали свои правила, сроки и способы перераспределения (переделов) и обработки земли внутри общины, известные лишь местным крестьянам и действовавшие в рамках одного или нескольких селений. Организация и обеспечение выполнения этих канонов были в ведении общины (мира) — крестьянского общества, нижайшего органа крестьянского самоуправления, легализованного государством. Таким образом, каждое локальное сообщество, признанное официальным законодательством, решало многочисленные вопросы крестьянской жизни самостоятельно, либо вовсе не имея предписаний в отношении той или иной возникавшей в повседневности коллизии, либо минуя писаный закон и руководствуясь собственными опытом и знаниями, имевшими нередко уникальный характер.

Многие споры крестьян невозможно было разрешить без знания их обычаев и сопутствующей им лексики (а она различалась по местностям не только диалектом, но и специфическими, употреблявшимися лишь в данной местности терминами и выражениями). Так, во время одного из заседаний съезда мировых судей во второй половине XIX в. возникло недоразумение. Суд разбирая тяжбу по иску крестьянина к соседу по поводу «загона» — участка пахотной земли. Когда участники процесса стали рассуждать о жребиях из «второго поля», «третьей очереди», «пятой шапки»³⁰, судьи никак не могли взять в толк, о чем идет речь: крестьянские выражения по поводу урегулирования земельных отношений были им незнакомы, что и привело их в полное замешательство при выне-

сении приговора. Съезд испытал большую неловкость и был поставлен в тупик, поскольку ничего не понимал в фактическом материале дела. Ситуация, описанная современником как нечто исключительное, весьма показательна для того времени.

На судебный процесс оказывал влияние сельскохозяйственный календарь: как сами заседания, так и исполнение решений крестьянских волостных судов могли быть отложены из-за занятости крестьян на полевых работах. Кроме того, гражданские дела деревенских судей возникали с известной периодичностью: «в январе и феврале взыскания по распискам — это платежи к Николе, Рождеству и масланице; в мае и сентябре дела о восстановлении владений, в июле и августе взыскания за неисполненные работы и о принадлежности описанных имуществ, по преимуществу хлеба»³¹. В тяжбах о взыскании долгов ответчики нередко просили об отсрочке выплат до осени, т.е. времени, когда после уборки урожая появлялся некий финансовый резерв для выполнения обязательств. Главный срок в сельских расплатах — «когда с поля уберемся», т.е. после «спожинок», на Успенье и Покров («тут самые деньги, — говорят задонские крестьяне, кто не уплатит тут, откладывает на Рождество, Масланицу, Пасху, Троицу, Петров день»)³².

Известный запрет на работу в праздничные дни, установленный православным церковным календарем³³, подкреплялся распоряжениями сельской власти и различными санкциями за его нарушение: «ежегодно сельский староста на сходке объявляет, что по праздникам не работать (штрафу 5 руб.)»; «в Студенцах у однодворцев за праздничную работу опивают 1 ведро и больше. От Пасхи до девятой пятницы в поле не работают», «из-за бездожия стали штрафовать работающих в праздники» (Липецкий у.)³⁴. Хозяйственная сторона крестьянской жизни по вполне понятным причинам подвергалась особенно строгому контролю. Сама организация общины и ее фискальная система ставили сельскую власть перед необходимостью обеспечить платежеспособность каждого двора. В данном случае православный моральный кодекс не всегда отвечал текущим потребностям крестьянской жизни, поэтому, несмотря на все усилия церкви и сельского управления, крестьяне порой нарушали эти установки, если этого требо-

³⁰ Леонтьев А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. С. 133.

³¹ М.Н.Р. Суд в деревне (из дневника бывшего мирового судьи) // Наблюдатель. СПб., 1882. № 2. С. 106.

³² АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 203.

³³ Русские. М., 1997. С. 189—197.

³⁴ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 172—175.

вало срочное выполнение каких-либо сельскохозяйственных работ.

Запретно-разрешительные нормы пронизывали все сферы жизнедеятельности крестьянских сообществ. Каждое село устанавливало границы между «нельзя» и «можно» по поводу любых возникавших между крестьянами коммуникаций — будь то какой-либо конфликтный или вполне рядовой, связанный с повседневными нуждами контакт. Многочисленные поведенческие императивы сопровождали имущественные, земельные, договорные отношения, корректируя действия крестьянина в каждой конкретной повторяющейся ситуации. В их основе лежали не только православные религиозные практики (молитвы, общие молебны, обеты и др.), но также различные неписанные правила, известные лишь в данной общине. В частности, сохранившиеся в архивных документах «рецепты» удачного проведения той ли иной долговой сделки воспроизводят самые разные локальные модели поведения: «Вечером и при посеве нельзя давать ничего в займы. Даже хлеб стараются “поране смышлять”. При посеве “хоть ложись не емши”, ни за что не дадут хлеба. Кто идет просить в займы к другому, нужно куда-нибудь спрятать смородиновый лист — не откажут. В займы давать нельзя с утра на 1 число, а также поздно под праздник или рано в годовые праздники, во время крестин, родин, теления коровы, в свадьбу; отдача в заем — убыток, а всякие символы его вредны в такие дни. Как корова отелица, как овца “ягушек” принесет, как выезжать пахать — давать в займы нельзя. С утра первому человеку в долг не дают — худа продажа будет. Нельзя отказать в займы на покойника, на роженицу, на пожарище; даже тогда, когда крестьянин выезжает на пашню, т.е. тогда, когда в другое время нельзя отдать в займы, на “несчастье” обычай этот меняется. Во время похорон никто не берет в займы и не дает на нужду: с таким займом дело не пойдет: “похоронится”. В Мглинском у. можно брать в займы почти всегда, кроме кануна Пасхи; тут нельзя занимать, ибо занимают тогда лишь одни ворожеи, а также колдуны для отнятия могилы по займу. Могила бравшего проценты провалилась. Сколько не зарывали, зарыть не могли»³⁵.

Неписанные нормативы оказывали глубокое влияние на повседневный быт крестьян, регулируя отношения, хотя и не всегда имевшие какого-либо правового статуса в официальной юстиции, но составлявшие их особую систему координат. Кре-

стьянин, игнорировавший общественные запреты, ставил под удар свою репутацию, что было чревато для него серьезными последствиями: не только он, но и его семья становились в известном смысле изгоями и рисковали остаться без поддержки мира в трудной ситуации. В условиях компактного проживания информационное поле, складывавшееся вокруг родословной каждой семьи, несло в себе в т.ч. потенциальную опасность: испорченная репутация хотя бы одного из родственников оставалась позорным клеймом на всем семействе на долгие годы, предопределяя во многом личные судьбы остальных его членов.

Правовое мировоззрение крестьянина формировалось в соответствии с его каждодневными нуждами. Попытки юристов XIX в. составить своего рода «кодекс» обычного права русских крестьян для практического применения его в волостном судопроизводстве оказались несостоятельными в силу не только отсутствия некой универсальной для всех территорий России нормы, но и невозможности охватить все сферы взаимоотношений между крестьянами, регулирование которых либо не предусматривалось вовсе, либо было запрещено официальным законодательством.

Представления и суждения крестьян о преступлениях имели своеобычные черты. «Человек некий беззаконник» - изречение, сопровождающее икону Богородицы «Нечаянная радость», лежало в основе религиозного мировоззрения крестьян и являлось одним из основополагающих принципов в их оценке природы человека и его (право) отношений с окружающим миром. Убеждение, что человек по природе своей греховен («один Бог без греха», «не может человек безгрешным быть в свой век», «от запада до востока нет человека без порока» и др.)³⁶ предопределяло их суждения о преступном, преступлении и преступнике. В этой связи выражение «от тюрьмы да от сумы никогда не отрекайся» было логическим продолжением этих взглядов и предполагало отсутствие каких-либо девиантных черт, якобы присущих человеку с рождения³⁷. Причинами преступления могли стать и бедственное положение двора, толкавшее крестьянина на кражу, и предрасположенность к преступному в силу происхождения и воспитания (это касалось семей, где кражи и разбой были ремеслом), и случайное или фатальное стечение обстоятельств («грех попутал»)³⁸. Крестья-

³⁵ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 205—208.

³⁶ Иллюстров И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М., 2010. С. 18.

³⁷ Иллюстров И.И. Указ. раб. С. 21.

³⁸ Русские крестьяне... СПб., 2008. Т. 6. С. 256.

не осознавали, что в силу каких-то внешних обстоятельств любой из них может оказаться жертвой, а именно как жертву воспринимали преступника.

Понятие преступления смешивалось и порой соединялось в сознании крестьян с религиозным понятием греха. Четкого разграничения между ними не было. В разных местностях встречались противоречивые мнения относительно тех или иных проступков, относимых то к преступным, то к греховным. Более того, в крестьянской среде случались «грехи» за рамками церковно-канонического или законодательного толкования. Например, греховным считалось женщине спать на животе, свистеть в доме, держать собаку в избе, молиться, широко расставив ноги, и пр.³⁹ Нарушение некоторых православных предписаний (работа в православные праздники или погрешности в соблюдении поста) осуждали и даже наказывали, что не было предусмотрено законом. Вместе с тем, не все проступки и преступления с точки зрения официального права признавались крестьянами как таковые. В частности, кражу казенного леса, преследовавшуюся по закону, крестьяне нередко считали позволительной: «Воровство леса из чужой... дачи не только не признается за кражу, но считается еще удалством, если удастся ловко сделать в ночное время похищение»⁴⁰. Различные виды запрещенного властью самосуда (даже убийство) также были допустимы в глазах крестьян, ибо восстанавливали «справедливость». Иерархия преступлений и наказания в законодательстве, как и православная доктрина греховного в церковно-канонической трактовке, не вполне соответствовали взглядам крестьян на степень тяжести того или иного правонарушения.

Несоблюдение установленных миром правил поведения имело различные последствия. С одной стороны, могли быть приняты официально-правовые санкции в виде общественного наказания розгами, денежного штрафа, заключения под арест или общественных работ. С другой, существовала иная система внесудебного воздействия на нарушителя действовавшей нормативной системы — от морально-нравственного давления общества на крестьянина до крайне суровых физических расправ. Конокрадов и поджигателей, посягнувших

на самое ценное и необходимое в крестьянском хозяйстве имущество, — лошадь и двор (включавший как жилые, так и хозяйственные постройки), — истязали с особой жестокостью, нередко забивая до смерти. Безжалостно относились к колдунам, способным, по мнению крестьян, нанести вред здоровью и благополучию односельчан. В то же время за убийство иногда было достаточно церковного покаяния, после чего убийцу прощали и оправдывали в глазах общественности. Допустим, убийство внебрачного младенца или одного из супругов, хотя и признавалось тяжким преступлением, осуждалось не так строго, как конокрадство или только угроза поджога крестьянского двора. Покушение на изнасилование рассматривалось как личная обида, за которую достаточно было уплатить штраф⁴¹. В Шацком у. Рязанской губ. царило глубокое убеждение, что «убить прелюбодея другому супругу (без различия, жене или мужу) вполне законно и можно»⁴². Вероятно, не только особенности образа жизни крестьян, но и их своеобразное отношение к разным преступлениям предопределили особенности уголовной статистики. В частности, в деревне был выше, чем в городе, процент женщин-убийц, осужденных за отравление мужей. Среди тяжких уголовных преступлений на селе в сравнении с городом доминировали детоубийства и самоубийства (т.е. самосуды)⁴³.

Характерной чертой крестьянских правоотношений было то, что морально-нравственные наказания за различные проступки и преступления нередко заключали в себе символический подтекст, сопровождавшийся специальными внешними знаками-сигналами. Например, если хотели подвергнуть сомнению целомудренность той или иной девушки или указать на недостойное поведение замужней женщины, то мазали их ворота дегтем. В некоторых селах, если девушка вела себя чересчур свободно, на дверях и воротах ее дома вешали «собаку драную» (Мценский у.). В других местах, чтобы опозорить девушку, дергали лук и портили капусту на семейном огороде⁴⁴. Особую «колюбаку» пекли в Архангельской губ. на следующий день после венчания: если невеста оказалась целомудренной, то пирог наполняли рыбой, если нет — колюбаку готовили «с пустым местом»⁴⁵.

³⁹ Шатковская Т.В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000. С. 74.

⁴⁰ АРГО. Р. 42. Оп. 1. Д. 48. Л. 137. Тульская губ.

⁴¹ Якушкин Е.И. Вып. 2. С. XXXIV.

⁴² АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.

⁴³ Трайнин А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. 1909. № 7.

⁴⁴ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13. Л. 12, 17.

⁴⁵ Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 232.

Деревенские коллективные судилища зачастую сопровождалась обрядовыми действиями, целью которых было публичное посрамление виновного: его водили по селу в нелепом или обнаженном виде, запрягали в телегу или надевали хомут, иногда обмазывали в дегте и обваливали в перьях. В атрибутику посрамления входили и похищенные предметы: обычно их вешали обвиняемому на шею и водили по деревне, сопровождая шествие шумовыми эффектами (звоном в ведра, печные заслонки, трещотками), плясками и песнями. Так наглядно демонстрировали улики совершенного преступления, доказательная сила которых не оставляла сомнения в справедливости возмездия. На наш взгляд, украденные вещи не представляли особой ценности, но именно они определяли имущественный ценз крестьянина: это могла быть мера картофеля или овса, кусок холста или рубаха, овца или баран и пр. Позорящие наказания, вызывавшие смех у публики, имели совсем нешуточные последствия. Репутация такого «героя» оказывалась подпорченной, а детали «маскарада» долго припоминали его потомкам. Стыд и страх перед публичным осмеянием были настолько велики, что это имело порой трагический финал: в Рязанских губернских ведомостях за 1867 г. сообщалось о крестьянке, которая во избежание унижительной экзекуции решила на самоубийство⁴⁶.

Следственный инструментарий гадалок, к которым некоторые крестьяне прибегали в поисках вора, также имел свою локальную специфику. В некоторых селах шли к ворожее, чтобы убедиться в верности возникших подозрений: «она дает платок с четырьмя сжатыми в кулак углами; если вытащишь короткий конец — значит подозреваемый действительно виноват. Тогда смело иди с обыском»⁴⁷. В других местах при пропаже гадали следующим образом: клали глину, уголь, соль и хлеб на 4 стороны и затем держали на локте клубок на нитке. Когда от усталости рука начинала колебаться, смотрели, на каком предмете: если закачается на хлебе-соли, то вор найдется, на угле-глине — не найдется. Некоторые гадалки указывали на вора с помощью зеркала⁴⁸. В Шацком у.

Рязанской губ. считалось, что для обнаружения украденного и самого вора необходимо замазать в чело печи остаток от украденной вещи или же уголок рублевой купюры (если украдены вещи) или волос, оставшийся от гривы украденной лошади (Шацкий у., Мишутино)⁴⁹.

Согласно христианскому закону крестьяне нередко молились за обидчика. Так, в Оренбургском у. при церковной краже или ограблении жители со священником служили ежедневные молебны о здравии вора. Считалось, что тогда вор раскается и вернет вещи⁵⁰. Вместе с тем, атрибуты православного богослужения могли быть использованы в сугубо суеверной практике. Например, под церковный колокол клали кусочек от пропавшей вещи, полагая, что она вернется к владельцу. При этом нередко по христианскому закону молились за обидчика. В Калужской губ. крестьяне при пропаже вещей практиковали способ, получивший название «связать всех святых». Брели псалтырь, втыкали в нее ключ так, чтобы он торчал кольцом наружу, и связывали псалтырь. Затем хозяин украденной вещи за кольцо ключа вешал на палец псалтырь и произносил имена подозреваемых. Когда произносили имя вора, псалтырь должна была повернуться на пальце. Чтобы уличенный в преступлении вор не перепрыгнул украденное, трижды читали специальный псалом⁵¹. Сюда же можно отнести и пример использования так называемой «обидящей свечи». Считалось, что если в полночь поставить в церкви свечу к иконе вверх нижним концом, то вор будет чахнуть по мере ее угасания (Новгородская губ., Череповецкий у.)⁵². С этой же целью помещали перед образом свечу зеленого цвета, употреблявшуюся обычно только при панихидах⁵³. Верили, что если заказать за укравшего сорокоуст (помянуть 40-го дня, как за умершего), то вора начнет «корчить» и он вернет украденное (Костромская губ. Макарьевский у.)⁵⁴. Один из крестьян Костромской губ. рекомендовал поступать следующим образом: когда хочешь высудить что-нибудь, при входе в заседание суда ударь о косяк правой коленкой и локтем левой руки или возьми в тряпочку четверговой соли; другие крестьяне советовали брать в суд Петров

⁴⁶ Якушкин Е.И. Обычное право. М., 1896. Вып. 2. С. XXXIV.

⁴⁷ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

⁴⁸ Там же. Л. 72, 74.

⁴⁹ Там же. Л. 66.

⁵⁰ Там же. Л. 57.

⁵¹ Русские крестьяне... Т. 3. С. 199.

⁵² Тенишев В.В. Указ. раб. С. 164.

⁵³ Якушкин Е.И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Крестьянское правосудие... С. 95.

⁵⁴ Тенишев В.В. Указ. раб. С. 229.

крест как спасительную вещь от всех несчастных случаев, в т. ч. от суда⁵⁵. Разумеется, подобные суеверные практики не исчерпывали всего спектра возможностей решения спорных правовых вопросов в крестьянской повседневности.

В досудебных расследованиях крестьяне применяли божбу, сопровождавшуюся целованием иконы или шейного креста. Божба не являлась суеверием; это была клятва перед иконой или Богом, но она была произвольной, а ее единой обязательной формы не существовало. Если прописанные в законе формы присяги утрачивали свое значение в общегражданской системе, то традиционные для крестьян клятвенные заверения с использованием символов православной веры продолжали бытовать в повседневной жизни деревни. Наиболее часто крестьяне прибегали к божбе при разрешении семейных или соседских конфликтов. Спор между крестьянами мог закончиться и вовсе без суда, лишь клятвой-божбой и примирением, что существенно облегчало дело и было несомненным преимуществом в глазах крестьян. Тексты клятв, произносившихся на крестьянских судилищах (волостном, сельском, семейном) в произвольной форме, отличались весьма кратким, но страшным содержанием с детальным описанием грядущих последствий Божьей кары в случае обмана. Икона, крест, иногда святая вода и восковая свеча также сопровождали подобные обычно-правовые разбирательства. Смысл клятвенных заверений свидетеля, обвиняемого или истца тоже сводился к уверениям в правдивости показаний, данных в присутствии православных святынь и сопровождавшихся прикосновением к ним (целованием иконы/креста или питьем святой воды). Однако если официальная присяга имела более лаконичный и универсальный, формализованный характер, то обычно-правовая клятва отличалась большим разнообразием форм: как обрядовые действия, так и произносимые при этом тексты варьировались в зависимости от локальной традиции и характера совершенного преступления. Например, в некоторых селах ритуал включал в себя элементы похоронного обряда, что, вероятно, должно было приумножить в глазах крестьян устрашаю-

щую силу клятвы. На присягавших надевали саваны, давали им в руки зажженные свечи и вели по улице до конца деревни, где ставили стол с иконой и поклонным крестом. Подозреваемых (в описанном случае — во лжи) вели по деревне тихим шагом, женщины голосили и причитали по ним как по покойникам, имитируя похороны. У стола с иконой и крестом после уговоров признаться обвиняемые должны были поклясться в правдивости своих слов⁵⁶.

В обычно-правовых ритуалах принесения клятвы использовали и другие вещественные символы, обладавшие в представлениях крестьян сверхъестественной мистической силой. В частности, ею наделяли природный мир (землю, хлеб, солнце), что предопределило бытование целого комплекса соответствующих обрядов и норм поведения. Мать-земля, кормилица и утешительница, одновременно являлась и хранительницей нравственной истины — святой правды⁵⁷. Земля фигурировала в различных клятвенных текстах и обрядовых действиях при разрешении крестьянских споров. С целью удостоверения своей правоты крестьянин молился перед солнцем и съедал кусочек земли. При поземельных спорах присягавший, держа кусок дерна над головой, произносил слова: «если спорный участок не принадлежит ему, то пусть сама родная земля прикроет его на веки»⁵⁸. Старообрядцы Костромской губ. для очищения от обвинения в краже поочередно ложились в вырезанный на земле восьмиконечный крест, целовали землю и троекратно повторяли слова «если я виновен, то пусть земля меня накроет», после чего брали в рот пригоршню земли⁵⁹. В Калужской губ. чудесными свойствами наделяли могильную землю: «На суд вот идешь — берут из кладбища землю, с могилки, кладут ее в карманчик, когда кто идет на суд, и тогда замиряются вопросы, но землю бери из свежей могилки и говори три раза: «Все вопросы утихают, другие не загораются»⁶⁰. В Тульской и Воронежской губ. между однодворцами признавали клятву на граде или снеге. Спорящий во время града в присутствии свидетелей собирал градины в ладонь; если ему удавалось принести их в комнату и сосчитать, пока они не растаяли, то дело

⁵⁵ Русские крестьяне...СПб., 2004. Т. 1. С. 122.

⁵⁶ Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту // Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке — начале XX века. М., 2003. С. 223.

⁵⁷ Листова Т.А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII—XX века. М., 2001. С. 723—724; Смирнов С.И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 429—473; Федотов Г. Стихи духовные. М., 1991. С. 65.

⁵⁸ Палпе А.С. О доказательствах на волостном суде // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. С. 61.

⁵⁹ Левенстим А.А. Присяга на суде по народным воззрениям // Вестник права. 1901. Июнь. С. 21.

⁶⁰ Энциклопедия суеверий. М., 2001. С. 264.

решали в его пользу. Зимой бросали на печь ком снега; если снег не успевал растаять, пока присягавший клал перед иконой девять земных поклонов, то считалось, что правда на его стороне⁶¹.

Помимо божбы (или присяги в суде) в исследованиях второй половины XIX в. в качестве доказательства еще всплывали обычно-правовые меты, с помощью которых крестьяне фиксировали и закрепляли право собственности на земельные угодья, скот и птицу, строительный и рабочий инвентарь, домашнюю утварь и пр. Почти на все объекты и предметы семейного имущества они наносили особые графические символы, демонстрируя тем самым их принадлежность конкретному двору. Наряду с архаичными формами мет, имевшими условные обозначения («вилы», «яма», «крест» и пр.), с ростом грамотности крестьян широко бытовали и буквенные обозначения (инициалы или имя и фамилия владельца могли быть начертаны на различных орудиях труда, деревянной или керамической посуде или вышиты на полотенце). Эти обозначения были неопровержимым свидетельством принадлежности украденной вещи/скота хозяину. Уничтожение знаков собственности рассматривалось волостными судами как преступление. Следует заметить, что и законоположения второй половины XIX в. предусматривали весьма строгие меры наказания за повреждение мет: виновные в их порче помимо возмещения ущерба владельцу подвергались аресту (от 1 до 3-х дней)⁶². Знаки собственности «участвовали» не только в крестьянском правосудии, но и фактически во всех обычно-правовых сделках крестьян (купле-продаже, договорах, найме и т.д.), где происходило какое-либо отчуждение имущества. В некоторых местностях России при передаче недвижимой собственности другому хозяину крестьяне передавали и бирку с клеймом этой собственности. Во время аренды земли крестьянин-арендатор устанавливал свой знак на временном владении. Все жители деревни обычно знали юридические знаки каждого из своих соседей. В первую очередь такой информацией владел пастух, который при найме нес особые обязательства перед крестьянским обществом. Если корова или другое животное погибало, он должен был представить хозяину кожу животного с ушами и клеймами⁶³.

Инструментарий следствия и наказания в крестьянской внесудебной «юстиции» отличался большим разнообразием. Он включал явления и компоненты природного мира, предметы сакрально-религиозного характера, а также вещи, окружавшие крестьянина в его повседневной жизни. «Карательным средством» мог служить алкоголь. Одной из разновидностей крестьянского самосуда был напой, когда виновного принуждали выставлять миру вино, пусть даже ценой продажи собственного имущества: например, в Московской губернии так наказывали, если крестьянин не выполнял своих обязательств перед обществом по возведению городьбы⁶⁴.

Беспоощадность к преступникам, наказываемым своим, крестьянским, судом, удивительным образом сочеталась с жалостью к приговоренным официальной юстицией к тюрьме и ссылке. В таких ситуациях преступление в представлениях крестьян было равнозначно беде: отсюда происходит и известная поговорка «за семь бед один ответ». Рассматривая осужденных как несчастных людей, к ним относились с сочувствием. Взгляд на преступника как на жертву обстоятельств способствовал развитию в крестьянской среде практики различного рода вспомоществований арестантам. Ссылным, проходившим по этапу, крестьяне подавали деньги и продукты. В некоторых губерниях на Пасху крестьяне после утренней службы отправлялись в острог и, христосуясь с заключенными, раздавали им подавание⁶⁵. Причиной подобных расхождений с официальной юстицией в оценках преступлений и преступников, возможно, лежало убеждение в том, что коллективный самосуд олицетворял собой высшую справедливость: пострадавшие от краж крестьяне были уверены в неотвратимости возмездия за нанесенный им ущерб. Крестьяне же, попадавшие в руки официальной юстиции, становились жертвами чужого, профессионального правосудия. Здесь возмездие приходило извне, и община брала на себя функцию защиты своих членов: уверенность в справедливости наказания уступало место чувству сострадания.

Строгость наказания в крестьянской среде зависела не только от тяжести преступления, но и от личности преступника, его репутации, статуса, пола и возраста. Индивидуальный подход к каждому подсудимому (принцип «глядя по человеку») и

⁶¹ *Скоробогатый П.* Устройство крестьянских судов // Юридический вестник. 1880. № 6. С. 337.

⁶² *Соловьев И.Т.* Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. С приложением 6720 знаков. Казань, 1885. С. 63.

⁶³ *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. СПб., 1877. Т. 1. С. 50.

⁶⁴ *Скоробогатый П.* Указ. раб. С. 335—337.

⁶⁵ *Якушкин Е.И.* Указ. раб. Вып. I. С. XIX.

конкретной ситуации задавал границы наказания. Например, по некоторым сведениям, стариков освобождали от физического наказания, если они были замешаны в краже⁶⁶. По другой информации, если в Великий пост «кто запоет песню, лупят и стариков и 5 руб. штрафу, об этом тяжком преступлении читали даже в правлении» (Липецкий у.)⁶⁷. Не имели права без разрешения отца-домохозяина пороть на сходе сыновей до 20 лет, а с разрешения и по требованию отца — с 10 лет. За одно и то же нарушение наказывали в зависимости от статуса: «за прелюбодеяние мужика пускают в одной рубашке, а одежду его пропьют; с бабой расправляется сам муж; но девушек никогда не наказывают, даже когда они заведомо гуляют, даже если родит» (Тульская губ.)⁶⁸. По сведениям из Тульской губ., за воровство или за непочтение родителей (свекра) женщину здесь секли розгами, девушку же «обнаготить» было нельзя — «позорно», поэтому последних розгами не били⁶⁹. Запрещено было сечь женщин в период месячных очищений. При беременности наказание откладывали на послеродовой период⁷⁰. В случае кражи внутри семьи принимали во внимание, с какой целью она совершена: «если для детей, самому одеться не во что, если «бабить» не умеет сноха, - то ее только воспорют через мужа, а не спивают за ее бедность, если же сноха украла на пьянство, тогда продают ее имущество и миром пьют вино. Если отец пожалуется на сына за совершенную им кражу, то общество соображает с тем, каков сын: если отец-большак, а сын распутничает, то его порют у каждого двора по 3 розги; или же большачество и деньги переданы сыну, то отцу не дают никакой веры и освобождают от суда»⁷¹.

Религиозно-православные традиции, заложившие фундамент крестьянского правового мировоззрения, оказывали влияние и на официальную судебную практику. Приговоры большинства окружных судов демонстрируют явное стремление присяжных-крестьян оправдывать подсудимых в дни первой, четвертой и страстной недель Великого поста. В такие дни они неохотно склонялись к обвинению подсудимых, мотивируя это тем, что «не добре другого судить, когда сам свою

душу от греха к покаянию покладаешь». В поминальные дни, родительские пятницы и субботы крестьяне-судьи категорически отказывались от обвинительных решений⁷².

В одном из провинциальных окружных судов южной полосы России в две средние недели августа имел место значительный процент оправдательных приговоров. В течение этого периода у местных землепашцев происходил обычный в это время посев озимого хлеба — от него в будущем году зависело благосостояние селянина. Поэтому у местных крестьян сложился следующий обычай: чтобы заслужить себе Божье милосердие, никого не обижать, ни к кому не относиться враждебно, быть милостивыми, чтобы в свою очередь самому заслужить милость Божию. Под влиянием такого рода нравственных и религиозных убеждений, крестьяне-судьи не решались в такие дни брать на себя грех осуждения кого-то и выносили подсудимым в значительном большинстве случаев оправдательные приговоры⁷³.

Вера крестьян в способность Божественной воли повлиять на исход дела способствовала многообразной практике обращений к разным святым. Молились перед иконами св. Николая Чудотворца, Божией Матери Утоли мои печали и Казанской, Заступницы Усердной. Перед тем, как войти в здание суда, молились Пресвятой Богородице («Богородица Дева, радуйся»)⁷⁴. Чтобы решить тяжбу в свою пользу, вешали себе на шею тетрадку с записями Сна Богородицы и сказания о Двенадцати Пятницах. В надежде быть оправданными крестьяне почитали строгим постом пятницу «перед днем Космы и Дамиана». В первый день Пасхи после христосования со священником они старались выпросить у него яйцо, давая ему взамен большее количество яиц. Полагали, что если это яйцо положить с молитвой в карман и во время дачи показаний катать его в кармане, то выиграешь спор. Согласно народным воззрениям, действительную помощь в суде оказывал молебен Иоанну Воину в день его праздника. Работать в этот праздник было непозволительно. Вера в заступничество «Ивана Воина» была настолько велика, что к молитве в его честь прибегали и сами воры⁷⁵. Служили так

⁶⁶ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.

⁶⁷ Там же. Д. 2. Л. 171.

⁶⁸ Там же. Д. 13. Л. 28.

⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 3.

⁷⁰ Там же. Д. 4. Л. 59.

⁷¹ Там же. Д. 6. Л. 46.

⁷² Тимофеев Н.П. Суд присяжных в России. Судебные очерки. М., 1881. С. 135.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 164.

⁷⁵ Якушкин Е.И. Заметки о влиянии... С. 95.

же молебны перед иконой Божьей Матери «Утоли Мои Печали» и Казанской, Заступнице Усердной. Подходя к дверям суда, читали молитву Пресвятой Богородице («Богородица Дева, радуйся») или произносили «Помяни, Господи, Царя Давида и всю кротость его». Для возвращения украденных вещей необходимо было молиться мученикам Федору Тирону и Иоанну Воину⁷⁶.

Совокупность различных по происхождению, функциям и организации практик юстиции у крестьян породила весьма оригинальную систему права, в которой главная цель правосудия — справедливость — достигалась не исключительно законом посредством официально учрежденного органа юстиции, а с помощью и иных разнообразных средств неформального характера, имевших как рационально-прагматическую, так и религиозно-мистическую основу.

Сословные границы, созданная во второй половине XIX в. специально для крестьян система правосудия и законодательная поддержка государством традиционного правового инструмента общины — обычая — создавали благоприятные условия для дальнейшего функционирования привычных внутренних связей в русской деревне. Способность крестьянского мира к самоуправлению при всем его консерватизме и склонности к традиционализму реализовывалась и в правовой сфере, где неизменно исчезали или трансформировались старые нормы и возникали новые прецеденты. Динамичность и богатство его социальной практики выходили за пределы искомым научной мыслью точных координат, что способствовало плюрализму возникавших интерпретаций обычного права.

Внутрисословные границы понятия «обычай» в крестьянской среде были чрезвычайно широкими, подвижными и далеко не всегда вписывались в рамки исчерпывающих определений ученых, правоведов и законодательства. В них укладывались не только избранные законодательством и легализованные им нормы поведения. В частности, самосуд, признанный законом самоуправством и соответственно лишенный статуса «обычного права», был традиционным инструментом крестьян, имевшим все основания быть причисленным к разряду обычных действий в тех случаях, когда не оставалось иных способов возмездия за совершенное преступление.

К концу XIX — началу XX вв. эти границы пошатнулись под влиянием иных факторов. По мере

развития отхожих промыслов и под влиянием города среди молодого поколения назревала потребность в переменах, выразившаяся в письмах-просьбах о законодательном пересмотре существующих норм. В одном из крестьянских писем начала XX в. предлагалось «постановить статью в законе, чтобы отец не обижал родных детей своевольно и своеобычно по его усмотрению кому дать больше, кому меньше... Прежний закон опирался на родителей — как отец хочет, так и творил»⁷⁷. Кроме того, процесс трансформации крестьянской общины в пореформенной деревне привел к тому, что обычное право в новых условиях распадалось на обычай «нарождавшейся сельской буржуазии» и обычай «массы крестьянской бедноты»⁷⁸. Правовые традиции реагировали на происходившие изменения. 1917-й год, разделивший историю России на царскую и советскую, открыл широкие возможности для строительства нового права.

Подводя итоги предпринятому нами обзору попыток идентификации и установления границ понятия «обычное право» в разных полях — в научном осмыслении правового опыта, в законодательном воплощении норм и крестьянской правоприменительной практике — следует отметить следующее. Сопоставление разных подходов к обычному праву российской деревни дает широкие возможности для его разнопланового анализа. В инициативах законодательства как-то «управлять» диалектикой «закона» и «жизни» («обычая») и стремлении научной мысли упорядочить существующее многообразие связей крестьянского права выразились различные интересы и взгляды авторов. Скорее всего, они и в дальнейшем будут сопровождать рассуждения об обычном праве, задавая ему иные контуры. Подобный опыт идентификаций демонстрирует особое внимание со стороны государства и общества к этому явлению, нашедшее свое отражение в законодательстве и научном осмыслении обычного права. Можно говорить также об известном контроле и отсечении нежелательных правовых явлений (как то крестьянского самосуда). При этом подобное внимание к обычаю со стороны науки и официального закона обеспечивали ему условия для устойчивости. С другой стороны, многогранность обычного права, его способность к вариативности заключала в себе тонкие адаптационные механизмы. Благодаря этому его границы конструировали, деконструировали, «переформатировали» в зависимости от исторического момента.

⁷⁶ Астырев Н. Деревенские типы и картинки. М., 1891. С. 39.

⁷⁷ Неизвестная Россия. XX век. Т. 2. М., 1992. С. 183.

⁷⁸ Анфимов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861—1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4. С. 32.